

Г.Остер

ИСТОРИИ
для детей
и взрослых

САМЫЕ НОВЫЕ

и

ДЕТИ

Котлеты
от жадности

рисунки
дяди Коли
Воронцова

«МАЛЫШ»

Г. Остер

ИСТОРИИ
для детей
и взрослых

САМЫЕ НОВЫЕ

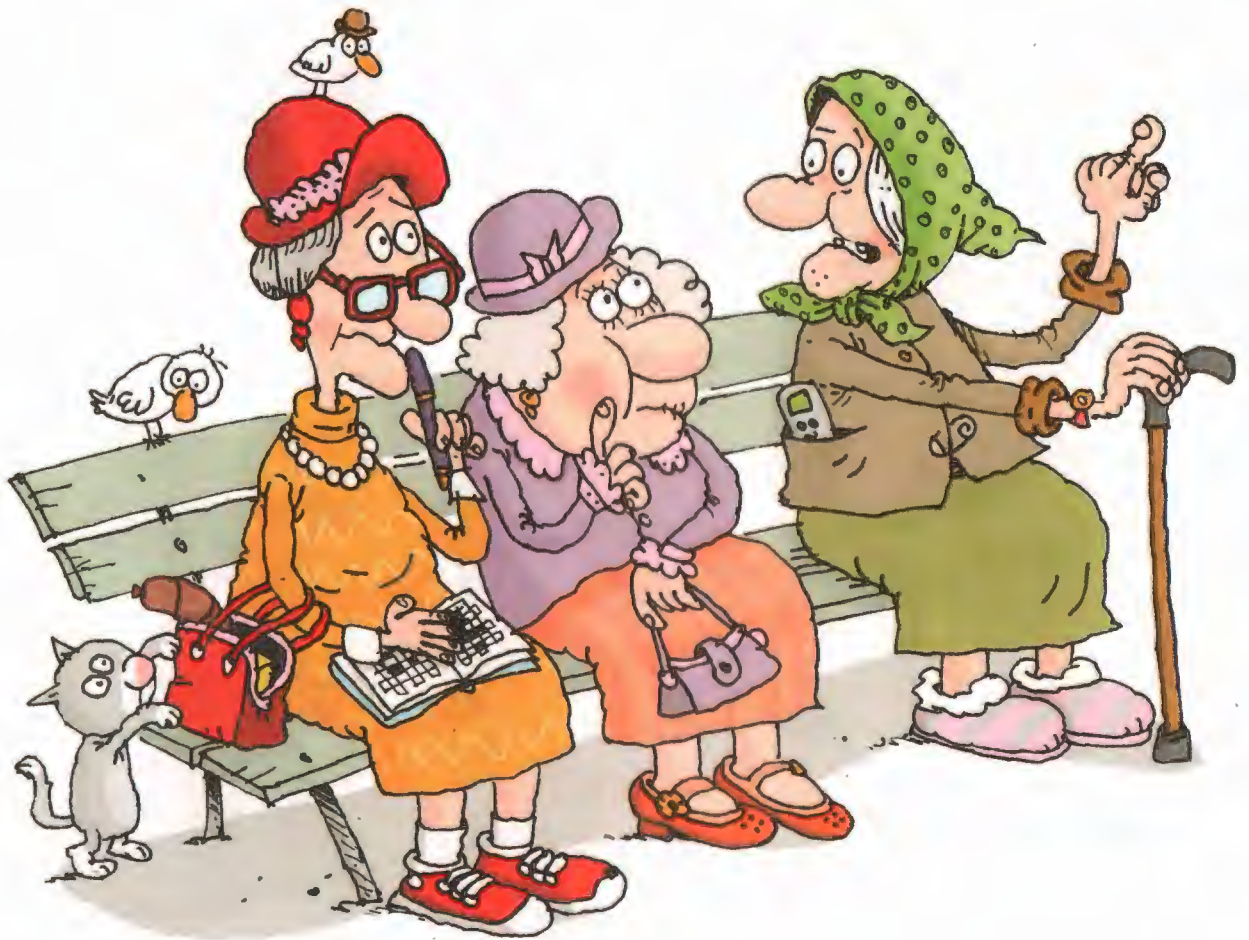
Дети эти

Котлеты
от жадности

рисунки
дяди Коли
Воронцова

«МАЛЫШ»

Смертельные котлеты от жадности

Маме одного мальчика купили новое платье, серёжки, туфли на стройных каблуках. Мама надела — папа ахнул:

— Пойдём по улице погуляем. Пусть все видят, какая у меня красавица жена.

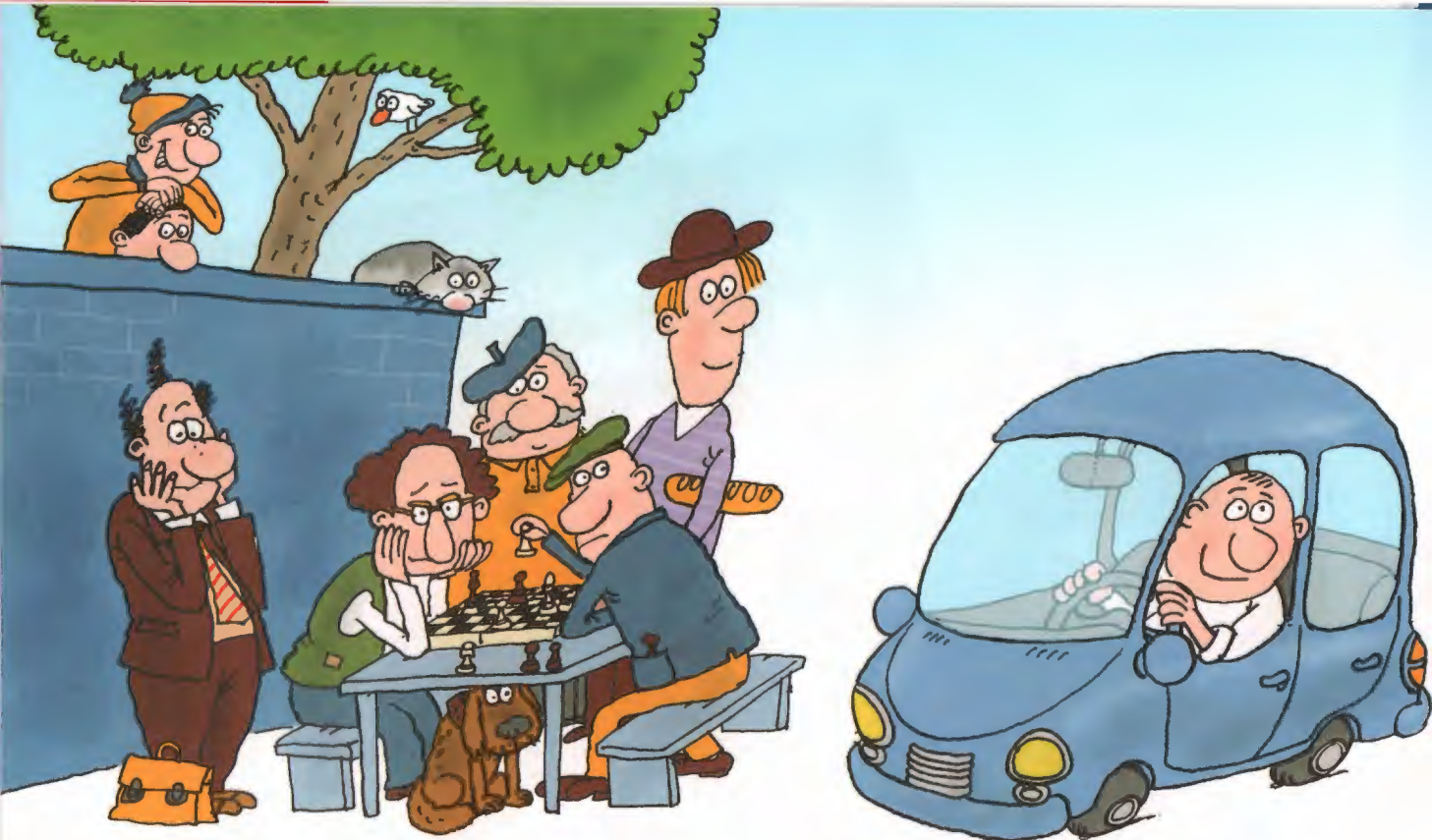
— Пошли! — обрадовалась мама.

Родители мальчика спустились во двор. Папины знакомые соседи увидели маму в новом платье, стали завидовать.

— Ух, ты! Круто!

— Отпад!

- Не слабая жена!
- Где такую отхватил?
- Это вы ещё не видели, — похвастался папа, — как она танцует. И не слышали, как поёт. А попробовали бы её котлеты, вообще б от зависти умерли.

Мама улыбнулась.

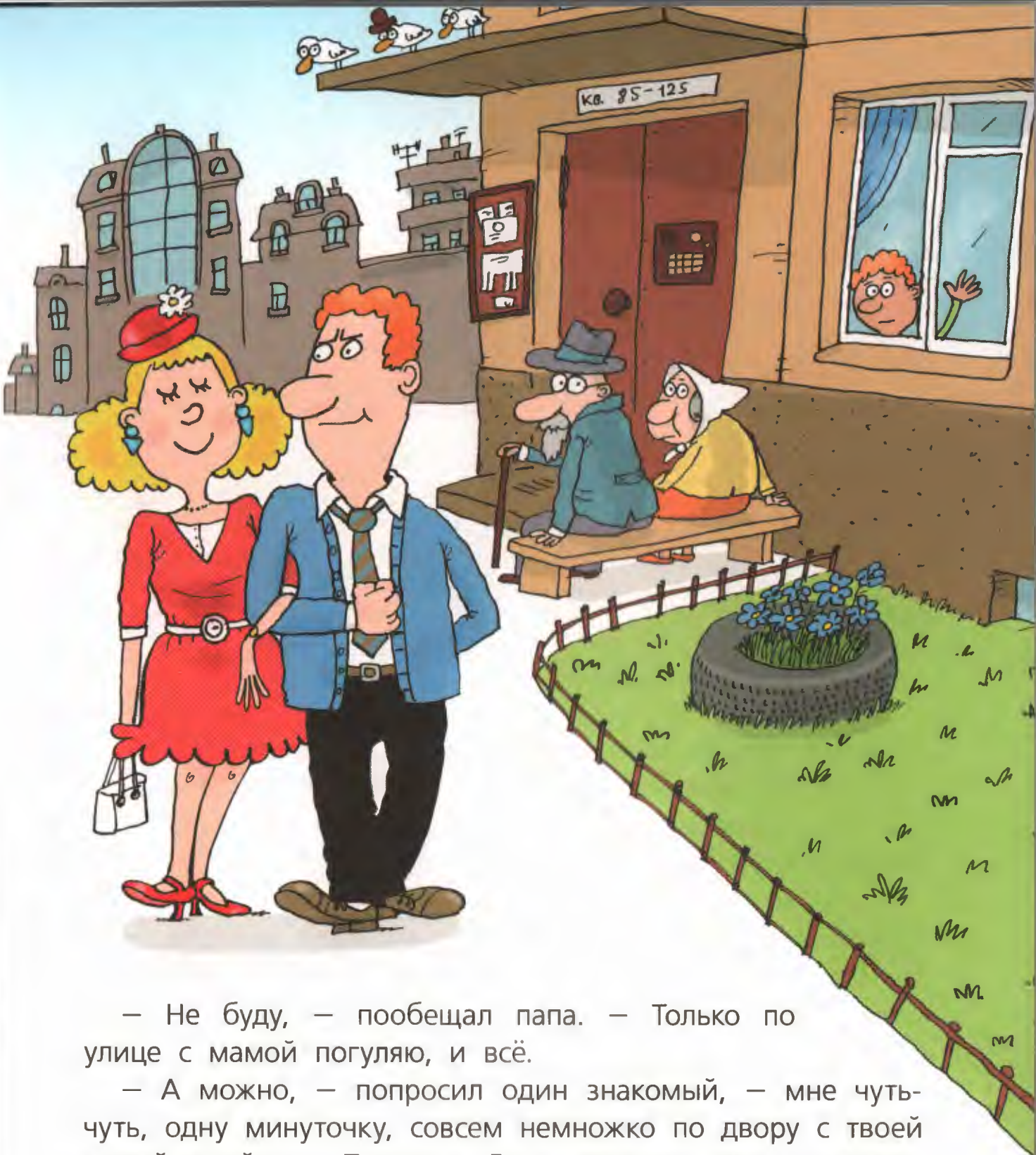
Папа хотел ещё хвастаться женой, но мальчик, который всё слышал, выглянул из открытого окна, сделал папе замечание.

— Нехорошо хвастать. Нетактично. Может, у кого-то нет такой замечательной жены, ему обидно.

— У меня, — признался один знакомый, — такой жены нет.

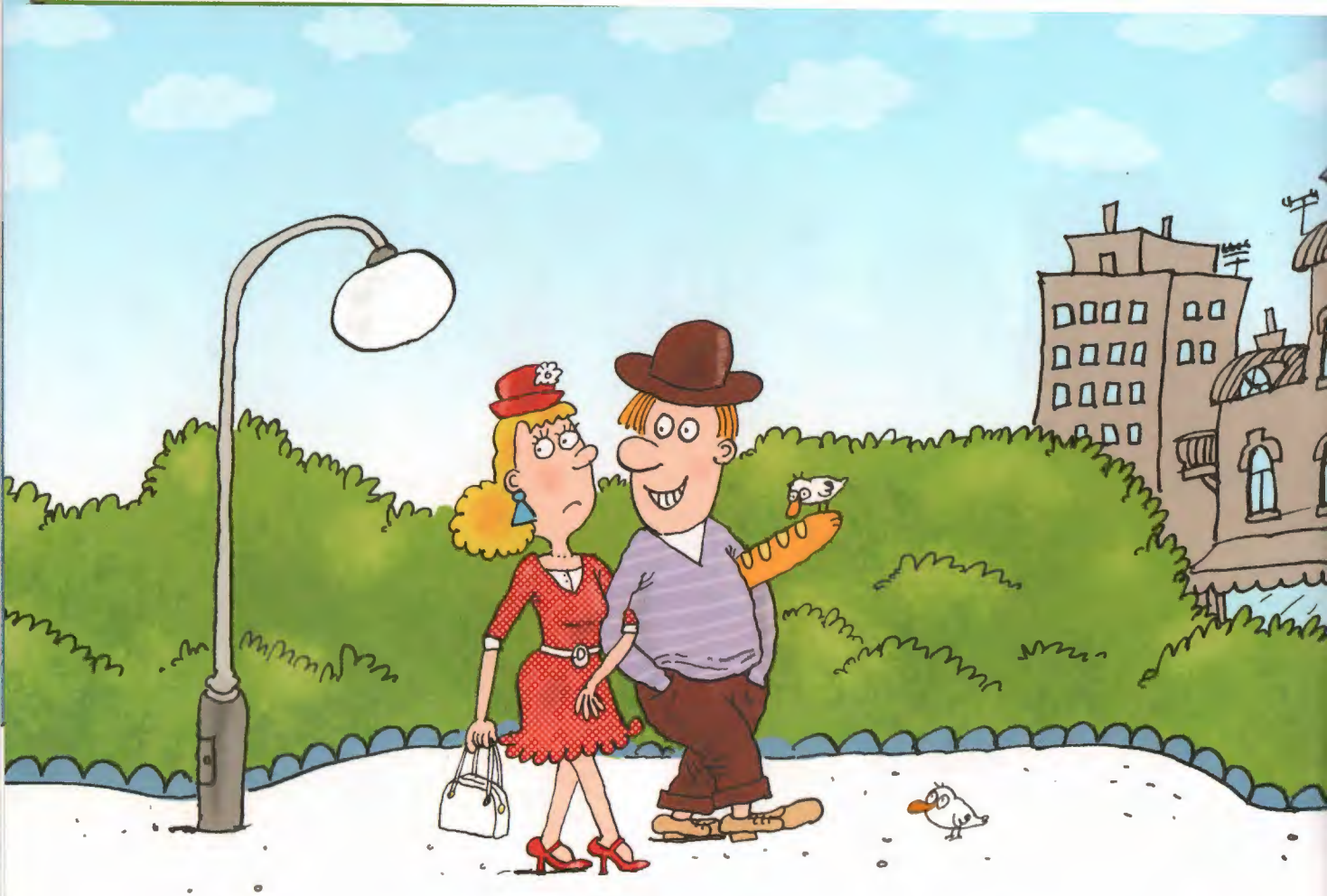
— У меня никакой нет, — сказал другой знакомый. — Мне ещё обидней.

— Вот видишь, папа. Хвастовство плохая черта характера. Будешь хвастать — никто с тобой не станет дружить.

— Не буду, — пообещал папа. — Только по улице с мамой погуляю, и всё.

— А можно, — попросил один знакомый, — мне чуть-чуть, одну минуточку, совсем немножко по двору с твоей женой пройтись. Погулять. Если, конечно, она не возражает.

Мама пожала плечами, поглядела на папу.

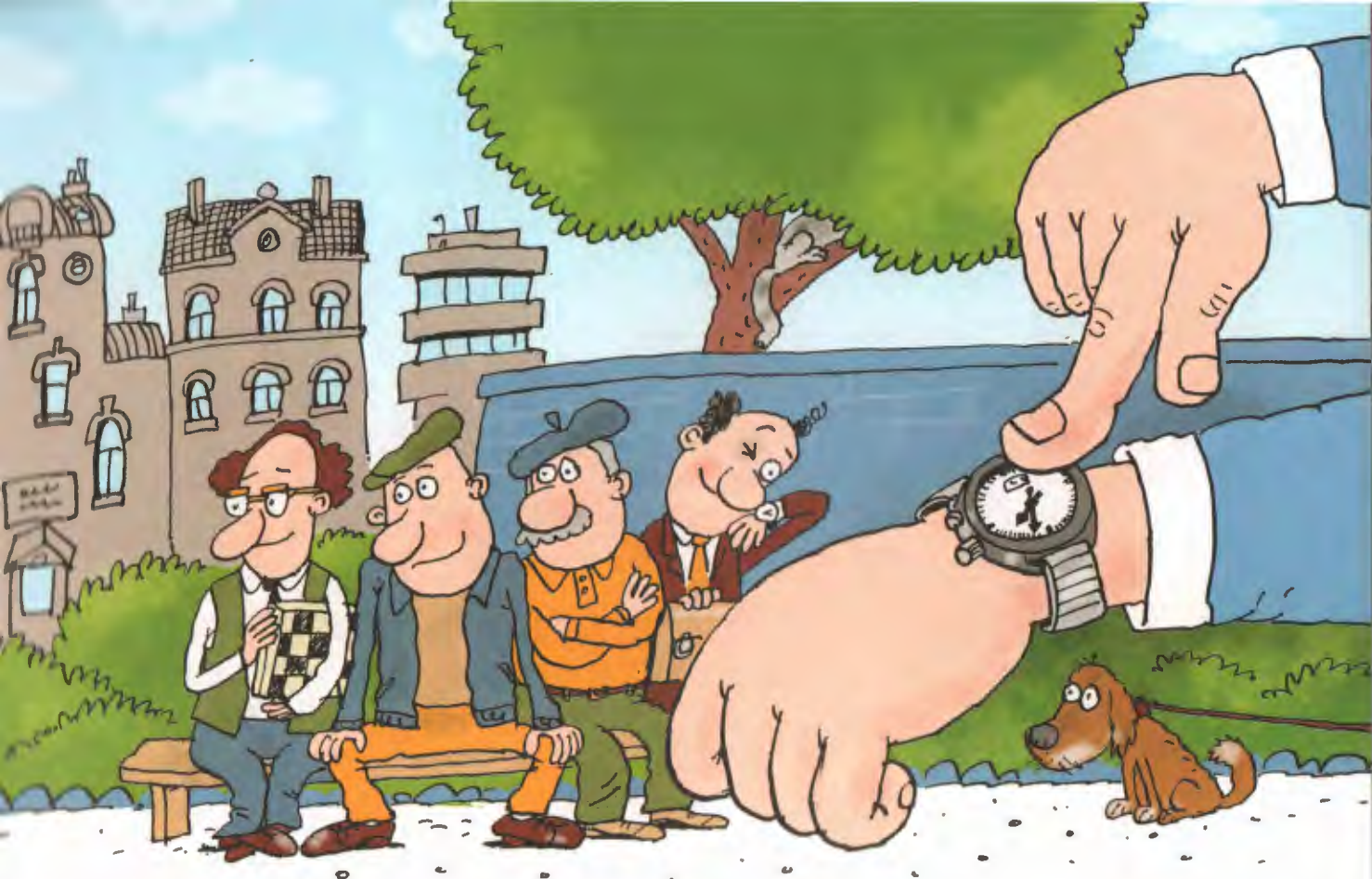
«Нет! Нельзя!» — хотел крикнуть папа, но увидел, что мальчик неодобрительно смотрит на него из окна, передумал.

— Ладно. Только недалеко. До того столба и обратно.

Знакомый взял маму под руку, вежливо повёл к столбу. Целую минуту папа терпел, потом не выдержал, побежал, догнал парочку, пошёл рядом.

— Нечестно, — заметил знакомый, бережно переводя маму через маленькую лужицу. — Так не договаривались. Мы уже втроём гуляем. Это не считается.

Папа вздохнул, отстал. Знакомый не спеша довёл маму до столба и ещё медленней повёл обратно.

— Иди быстрее, — крикнул ему папа.

— Быстрее нельзя, — возразил знакомый. — Не с работы торопимся. Гуляем. Гуляют медленно.

Нетерпеливо переступая с ноги на ногу, папа дождался, когда знакомый наконец-то довёл маму до него.

— Отдавай жену, — потребовал папа. — Минуточка давно кончилась,

— Нет, мы не отсюда гуляли. Вон от той скамейки, — не отдал маму знакомый.

Возле скамейки папа хотел взять маму под руку, но его отпихнул другой знакомый:

— Куда без очереди?!

— Какая очередь? — испугался папа.

— С женой гулять.

Папа оглянулся, увидел знакомых, которые выстроились вдоль всей скамейки в длинный хвост.

— Нет, — тихо сказал папа. — Это не ваша жена. Моя. Не хочу, чтобы вы все с ней гуляли.

— Да мы не все сразу, по одному.

— Всё равно — нет.

— Не жадничай. Что тебе, жалко?

— Да! — краснея, буркнул папа, — жалко! Мы уходим домой.

Мама взяла папу под руку. Папа шагал алый как мак, а мама шла с очень серьёзным лицом, изо всех сил старалась не засмеяться.

— Жади́на-говя́дина! — кричали вслед папе знакомые. — Жила! Жмот!

Папа обернулся, показал им язык. Мальчик из окна всё слышал. И видел. Дома, когда нахохотавшаяся мама

Котлеты от жадности

ушла в кухню жарить котлеты, мальчик подошёл к папе, положил ему руку на колено:

— Ты поступил неправильно, — сказал мальчик. — По-жадничал. Это некрасиво. Друзья не будут тебя уважать.

— И пусть! — насупился папа. — Сам буду с мамой гулять. Один.

— Жадность отвратительная черта характера, — вздохнул мальчик. — С ней надо бороться.

— Мама моя жена, — упрямо сказал папа. — Не их.

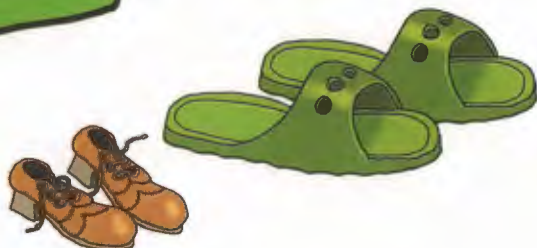
— Вот, — вздохнул мальчик. — Моя, моё. Не ваше. Любимые слова жадины. Смотри, не сумеешь победить жадность — сам перестанешь себя уважать. Подумай об этом.

Вечером мама кормила мальчика и папу ужином. Папа жевал котлеты, слушал, как мама поёт свою любимую песенку, думал, что, наверное, скоро придётся совсем перестать себя уважать.

Он смотрел на маму и понимал, что никогда, никогда не сумеет победить свою жадность.

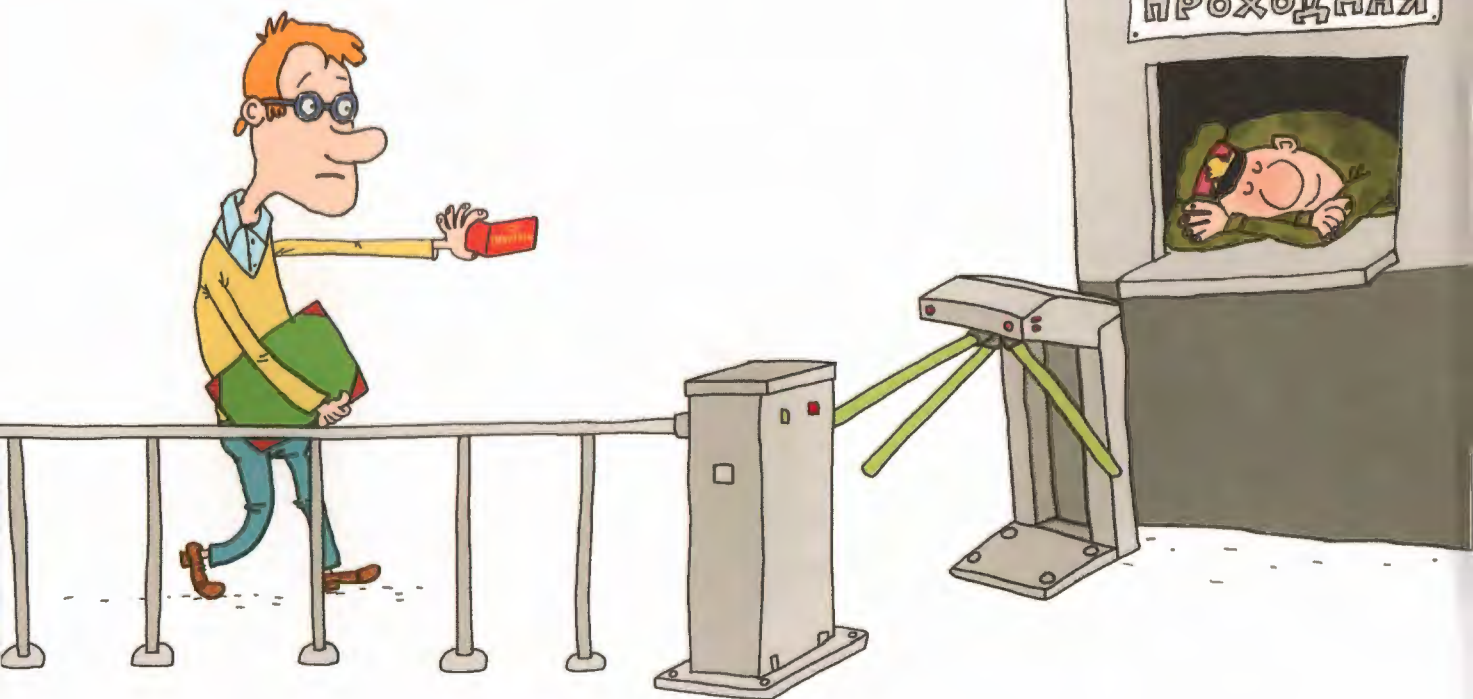
Дружба с не-бабушкой в шлёпанцах

Один мальчик наигрался в детском саду с друзьями, пришёл домой весёлый, поглядел на своего папу внимательно, спрашивает:

- Ну, как дела? Что нового?
- Да вот, — показал папа, — носки новые. Мама купила.
- А вообще, какие успехи?
- На работу сегодня успел. Вовремя.

Не опоздал.

— Что-то я, папа, не пойму, — говорит мальчик. — Какой-то ты у меня кисленький. Замкнутый. С работы вернёшься — сидишь, скучаешь. Все выходные — дома. Никто тебе не звонит. Никуда не зовёт. У тебя, наверно, друзей нет?

— Почему нет? — смутился папа. — Много знакомых. На работе.

— Знакомые не считаются. У человека должен быть друг. Хоть один. Вот у меня — Колька. Мы с ним ещё в младшей группе сдружились. Играем вместе, секретами разными делимся. Заступаемся друг за друга, если что. Почему с тобой никто дружить не хочет?

— Почему не хочет? — опустил голову папа.

— Это я тебя спрашиваю — почему? Ты сам, предлагал кому-нибудь дружбу?

— Кому предлагать?

— Вот это и плохо, что некому. Выйди во двор, познакомься с кем-нибудь и подружись.

— С кем же я во дворе подружусь? Там одни бабушки на скамеечках сидят.

— Во-первых, не только бабушки, — возразил мальчик, — во-вторых, бабушка тоже может стать человеку верным, надёжным другом. Если найти с ней какой-нибудь общий интерес.

— Не хочу, — отвернулся папа, — ни с какой бабушкой дружить. Не пойду во двор.

— Ладно, ладно, не хнычь, — потрепал папу по плечу мальчик. — Всё хорошо кончится. Найдём, с кем тебе подружиться.

Мальчик поговорил по телефону со своим другом Колькой, велел папе одеваться.

Идти было недалеко. Колька жил в соседнем доме. В прихожей папу попросили снять ботинки, дали огромные шлёпанцы.

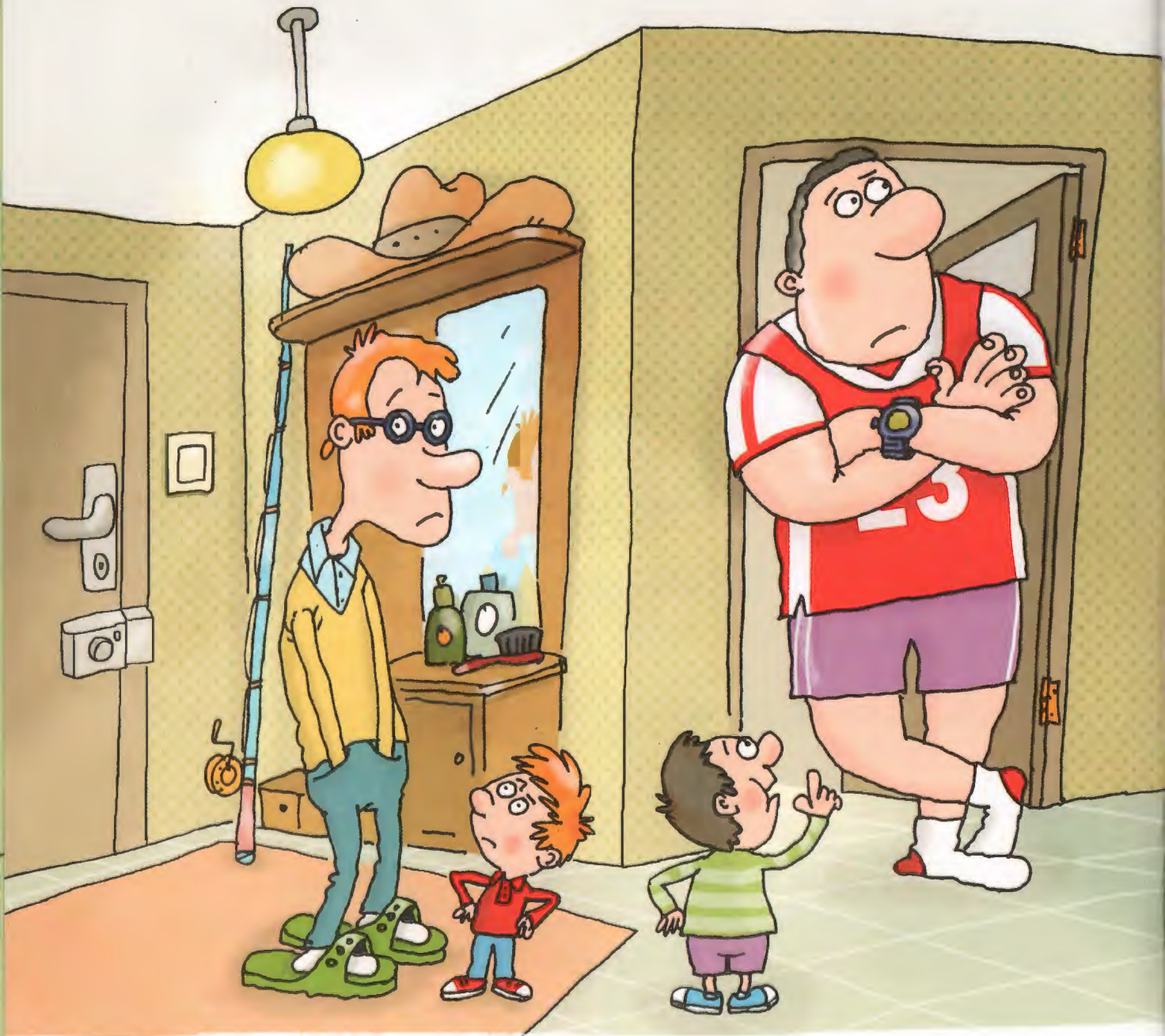
— Ну, Колька, — сказал мальчик другу, — зови. Будем моего папу с твоим папой знакомить.

Колька позвал. В глубинах квартиры загремело, загрохотало, и в коридор из комнаты выдвинулся гигантский папа. В спортивных трусах и майке. Размеров на пять больше папы мальчика. Оба папы молча поглядели друг на друга, насупились.

— Идём, Колька, — сказал мальчик другу, — мультики смотреть, а папы пока во что-нибудь поиграют, ближе познакомятся.

Папы молчали, сопели.

— Пожмите руки, — скомандовали мальчики папам, — знакомьтесь.

Папы не шевельнулись.

— Смелее, — подбодрил мальчик своего папу. — Разве тебе не нужен друг?

— Нет, — сказал папа и сунул руки в карманы.

— Вынь руки из карманов.

— Не выну.

— Вынешь как миленький. Сейчас попрошу Колькину маму, чтоб она тебе все карманы нитками зашила. Крепко-накрепко, — рассердился мальчик.

— А ты, — спросил Колька своего большого папу, — почему руку не протягиваешь? Почему дружить не хочешь?

Большой папа шмыгнул носом, заложил руки за спину.

— Ты оглох? Или тебе что-то непонятно? — нахмурился Колька.

— Ничего не оглох, — пробурчал большой папа. — А чего он в моих тапочках?

— Он гость.

— Пускай свои надевает.

— Его тапочки остались дома. Он твои не навсегда взял. Немножко поносит и отдаст. Когда уходить будет.

— Пусть прямо теперь уходит. Тапочки мои.

— Будешь жадничать, — сурово пригрозил Колька, — не только тапочки, ещё и электробритву твою ему отдадим. И твой новый костюм в полоску. И все твои удочки, спиннинги. И коробочки с рыболовными крючками.

Мальчики кричали, папы сопели. Колькина мама спряталась на всякий случай в кухне под столом, сидела не высовывалась.

Домой папа и мальчик возвращались расстроенные. Обиженные. Друг на друга. Впереди сердито шагал разгневанный мальчик, а сзади, с крепко-накрепко зашитыми карманами, плёлся папа. Тащил в охапке рыболовные удочки, шлёпанцы, костюм в полоску и кучу других, в наказание отобранных мальчишками у Колькиного папы вещей.

Двойки, козы и кол

Детям одного учителя русского языка часто приходилось ругать своего папу. Вернётся учитель из школы, дети спрашивают:

— Ну, как дела?

Учитель отворачивается, глаза прячет.

— Папа, смотри нам в глаза.

— Пожалуйста, — говорит учитель, — могу и посмотреть. — А сам не смотрит.

— Опять двойки?

— Какие двойки?

— Сам знаешь, какие. По русскому языку. Показывай тетрадки.

— А чего показывать? Нечего. Сегодня тетрадки не сдавали. Нет у меня ни одной. И вообще уроков не было. Никаких. Все ученики заболели.

— Папа, прекрати, — огорчаются дети, — мы уже устали от твоей бесконечной лжи.

Полезут в папин портфель, достанут стопку сданных тетрадей с проверенным диктантом, откроют. А там почти в каждой тетрадке: два, два, два, два.

— Посмотри, сколько у тебя двоек! Неужели не можешь нормальные отметки людям ставить?

— Могу. Это они сами так пишут. С ошибками. Нарушают правила русского языка.

— Опять выдумки. Ты послушай, что говоришь. Весь класс, все ученики — плохие и ошибаются, а ты один хороший и всё делаешь правильно. Подумай своей головой. Бывает такое?

Папа подумал.

— Бывает.

— Нет, — закричали дети, — не бывает! В конце концов, ты должен помнить, что они дети, а ты взрослый, поэтому обязан их уважать.

— Я помню.

— Плохо помнишь. Хочешь, чтобы с тобой стало то же самое, что с Людмилой Сергеевной — мамой наших нижних соседей?

— А что с ней стало? — насторожился папа.

— Она тоже, как ты, учительницей в школе была, тоже полные сумки двоек домой таскала.

— По русскому языку?

— По физике.

— Так это же совсем другое дело, — стал спорить папа.

— Не спорь с детьми, — строго сказали папе. — Никакое не другое. Такое же. И знаешь, чем кончилось?

— Чем? — зажмурился от ужаса папа.

— А тем, что пришлось этой Людмиле Сергеевне навсегда расстаться со школой, выйти замуж за фермера. Уехала в деревню. Теперь пасёт там коров. И коз. Имей, в виду, тебя ждёт то же самое.

— Нет, — быстро сказал папа. — Не надо коз. Давайте, я лучше дам честное слово, что больше не принесу ни одной двойки. Честное-честное.

— Смотри, — вздохнули дети, — верим тебе в последний раз.

Дети думали, что хорошенько напугали папу козами, но через неделю опять был диктант, и папа снова принёс домой портфель с двойками.

— Да что же это? — всплеснули руками дети. — Опять семью позоришь. Как будто нарочно стараешься, чтобы нас в очередной раз твои ученики в школу вызывали. Почему мы должны за тебя краснеть?

— А не надо, — вдруг обнаглел папа, — за меня краснеть. Я, если что, и сам за себя покраснеть могу. Мне не трудно.

— Он ещё и огрызается! — возмутились дети. — Ну всё, кончилось наше терпение. Сколько мы с тобой возились, что только не пробовали! Воспитывали. Интернета лишали, деньги карманные отнимали, запрещали по телевизору канал «Культура» смотреть. А ему хоть бы что. Придёт на урок и, не моргнув глазом, как ни в чём не бывало, наставит там двоек. Значит, не понимаешь по-хорошему? Придётся принимать крайние меры.

И на следующее утро дети, вместо школы, отвели своего папу в высшее военное командное училище, сказали:

— Дисциплины — вот чего тебе не хватает. Поэтому, теперь будешь преподавать не русский язык школьникам, а строевую подготовку командному составу.

— Ну и пожалуйста, — говорит папа, — подготовку так подготовку. Мне уже всё равно.

Только, к сожалению, преподавать в высшем военном командном училище у папы тоже не получилось. Никакая дисциплина не помогла. Папа там, в первый же день, всему высшему командному составу наставил двойок. И генералам, и адмиралам, и маршалам. А главнокомандующему ещё и единицу вlepил. Кол.

И ещё вот так!

Папу одних детей на работе старшие, более опытные сотрудники научили говорить глупости. После работы папа рассказал глупости маме, она тоже начала повторять.

Дети приходят домой, родители им заявляют:

— Так, так и так. И ещё вот так.

Дети услышали, остолбенели. Смотрят на родителей выпученными глазами, ушам не верят. А папа с мамой высказались и тоже глядят. На детей. Внимательно. Интересно. Что им за это будет.

Дети постояли остолбеневшие, помолчали. Но виду не подают. Вышли из комнаты, стали советоваться.

— За такое, — говорит самый младший ребёнок, — надо сразу по губам бить.

— Ни в коем случае, — возразил старший мальчик. — Не по губам. Давайте просто возмутимся. Чтоб им стыдно стало.

— Нет, нет, — зашептала средняя девочка. — Они же не знают настоящего смысла слов, которые повторяют. Надо притвориться, что ничего не случилось. Может, они больше такое не скажут.

Дети вернулись — папа и мама снова:

— Так, так и так. И всех трах-тарарах.

Дети опять выскочили из комнаты.

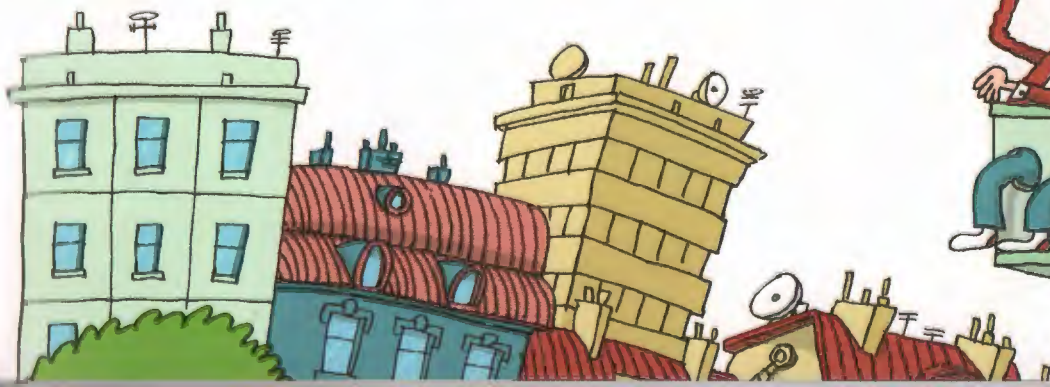
— Ну, — спрашивает самый младший ребёнок, — что теперь делать станем?

Так, так и так!!!
Трах-тарарах!!!

— Ничего, — предлагает средняя девочка. — Будем надеяться на лучшее. На то, что папа и мама поговорят, поговорят глупости, потом забудут и перестанут.

— А если не перестанут? Вон, слышите, они уже на балкон вышли, на всю улицу кричат. Сейчас родители соседских детей услышат, то же самое заорут. Хором. С нами же во дворе никто играть не станет. Как будем соседским детям в глаза смотреть?

Дети поскорей побежали, вывели родителей с балкона.

ГЛАВНЫЙ
РУКОВОДИТЕЛЬ

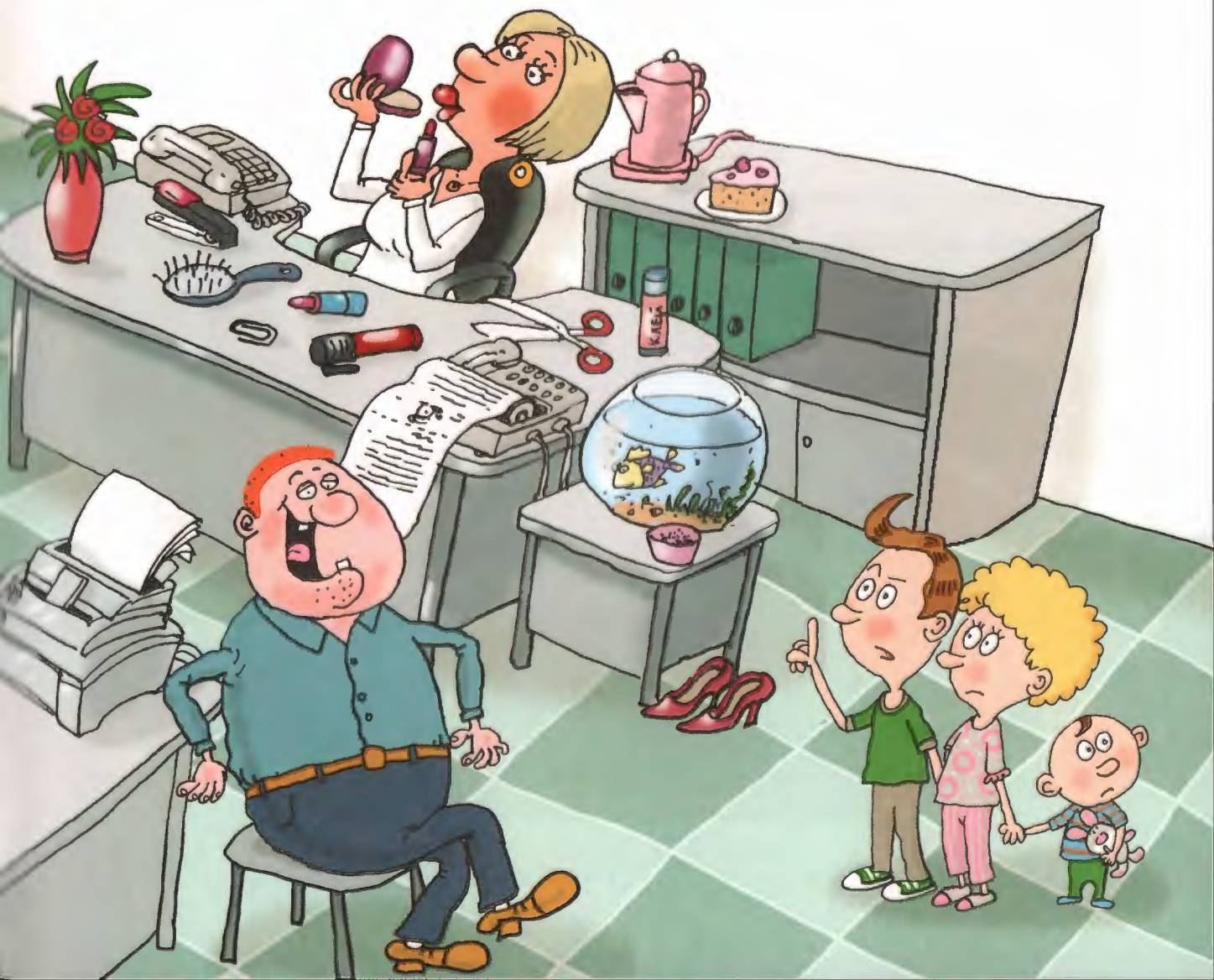

Котлеты от жадности

- Папа, мама, вы эти слова больше не повторяйте.
- Какие слова?
- А вот те самые.
- Про так, так и так? И про ещё вот так?
- Да, — покраснели дети.
- И про всех трах-тарарах?
- Это плохие слова. Гадкие. Не надо их повторять.
- А у нас на работе, — сказал папа, — старшие, более опытные сотрудники всегда так говорят.
- Ну и что? А ты за ними не повторяй.

На следующий день дети пришли к папе на работу, отозвали в сторонку старших, более опытных сотрудников:

— Рассказывайте, кто вас тут глупостям учит?

— Не расскажем, — насупились сотрудники. — А что вы нам сделаете? Не станете же нас, — хихикнули сотрудники, — шлёпать или за уши, к примеру, таскать.

— Конечно, не станем. Узнаем номера телефонов ваших детей, им позвоним. Пусть сами с вами разбираются.

Опытные сотрудники, переглянулись, занервничали.

— Ладно, скажем. Начальник учит. Наш главный руководитель. Вон там его кабинет.

Котлеты от жадности

Дети вошли в кабинет главного руководителя, закрыли за собой дверь.

Начальник сидел за своим внушительным рабочим столом, руководил. Увидел строгие лица детей, спрятал поскорее руки за спину.

— Как зовут вашего младшего ребёнка? — спросили дети.

— Что я такого сделал? — сразу захныкал начальник. — я просто в кабинете сижу. Вообще ничего не делаю.

— А кто научил сотрудников глупости повторять?

— Не я. Они сами за мной повторяют.

— Взрослые, — нахмурились дети, — всегда глупости своих начальников повторяют. Вы разве не знали?

Дети сидели в кабинете главного руководителя почти до самого конца рабочего дня. У них с начальником состоялся долгий, серьёзный и очень неприятный для начальника разговор. Когда дети ушли, руководитель вышел из кабинета, сунул руки в карманы, поглядел на своих сотрудников суровыми глазами, сказал:

— Значит, так! Запомните и с завтрашнего дня зарубите себе на носу. Если кто, ещё хоть раз начнёт за мной глупости повторять — всех уволю. Вопросы есть?

Все сотрудники, и старшие, более опытные специалисты, и те, что моложе, ещё не такие опытные, подумали, покачали головами:

— Нет вопросов.

— Тогда, — вздохнул начальник, — давайте, скорей разойдёмся, трах-тарарах, по домам. Нас там, так нас и так, и ещё вот так, дети ждут.

Лёгкий испуг

Папа и мама одной девочки не верили в Деда Мороза, верили в Бога. Перед Рождеством девочка позвонила туда, где заказывают на дом Дедов Морозов, спросила:

— Дорого стоит, чтобы к моим родителям по адресу пришёл Бог?

— Не очень, — сказали девочке. — Вам со Снегурочкой или так?

— Зачем Снегурочка? Со Снегурочкой Дед Мороз ходит.

— Да, да, с ангелами, конечно. Вам сколько ангелов присылать? Двух или трёх?

— Давайте без ангелов. Только пусть Бог обязательно принесёт папе и маме подарки.

В назначенное время в квартире девочки грянул звонок.

— Идите, встречайте, — позвала дочка родителей. — Это к вам.

— Кто там? — удивился папа.

— Я пришёл! — зарокотало за дверью. — Дедушка Бог!

— Боже! — ахнула мама, хватаясь за папу. — Открывай скорей.

Папа открыл. Сначала показалась борода с баяном. Баян сыграл торжественную музыку, и Бог загремел басом:

— Здравствуйте, взрослые! Ждали меня?

— Да, да! Всегда, — хором закивали папа и мама.

Бог пристроил к вешалке свой тяжкий посох, достал из-за плеча упитанный мешок.

— Вели себя хорошо? Не баловались?

— Господи, — всхлипнула мама, — прости и помилуй!

— Нас, грешных, — добавил папа дрожащим голосом и крепко зажмурился.

Папа думал: Бог не простит, покарает. Но Бог пока не карал.

— Дедушка Бог, — поскорей вмешалась девочка. — Ты не думай! Родители у меня воспитанные. Послушные. Сообразительные.

— А вот сейчас, — сказал Бог, — проверим.

Папа с мамой покрепче прижались друг к другу.

Котлеты от жадности

— Ну-ка, взрослые, — загадочно усмехнулся Бог, — подойдите ближе. Догадываетесь, что у меня в мешке?

— Грешники? — охнул папа, прячась за маму.

— Подарки, — громыхнул Бог. — Только не знаю, дарить или не дарить. Живёте дружно? Не ссоритесь? Друг дружку не обижаете?

Папа с мамой опустили головы, покраснели.

Бог ждал ответа.

— Давай покаемся, — тихонько шепнула мама.

— Давай убежим, — ещё тише предложил папа. — Спрячемся. В ванной не найдёт.

— Вспомни, — мама схватила папу за руку, — Ева с Адамом прятались, тоже думали: не найдёт. Нашёл.

— Кайся, — смирился папа. — Чур, я второй.

— Дедушка Бог, — снова вступилась за папу и маму дочка. — Они хорошие, добрые. Мирятся каждый раз.

Но Бог долго ещё испытывал её родителей. Загадывал загадки, выяснял, помнят ли стихи, умеют ли петь песенки.

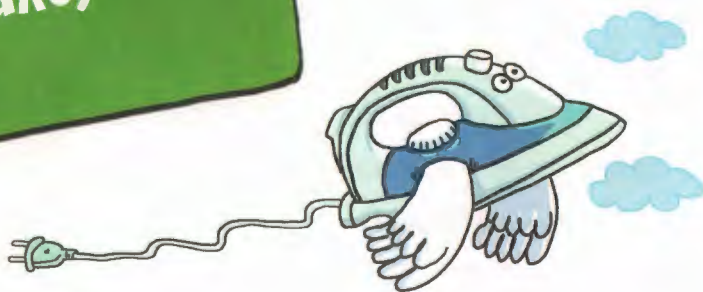
Подарки папа и мама всё-таки получили. Мама — коробку шоколадных конфет, от которых не толстеют, папа — отличный шарф. Почти не колючий.

Дедушка Бог заторопился, сообщил, что ему пора спешить к другим взрослым. Попрощался, закрыл за собою дверь.

— Слава тебе, Господи! — облегчённо вздохнула мама, — Кажется, пронесло. Отделались лёгким испугом.

— Слава Богу! — согласился папа. — Нас миловал. К соседям пошёл. Давай, что ли, хоть за самых грешных помолимся.

Маленькие ножницы, большое зеркало, родной утюг

Одни папа и мама играли в детей и нечаянно разбили большое зеркало. Попали в него утюгом.

— Ой, что будет! — захныкал папа. — Ух, и попадёт теперь!

— Пустяки, не трись, — махнула рукой мама.

— Ага, не трись! Дети придут — что скажем?

— Скажем: не наш утюг в зеркало заехал. Чужой.

Папа сначала обрадовался.

— Здорово придумала.

Потом засомневался.

— Не поверят. Спросят, откуда у нас дома чужой утюг взялся.

— Откуда? Откуда? Оттуда. С улицы в окно залетел.

— А почему тогда окно не разбитое? Целое. Неправдиво получается.

— Ну давай, окно тоже расколешматим.

— Нет, — испугался папа, — не стоит. За окно ещё больше ругать начнут.

— Да ладно тебе. Семь бед — один ответ. Зато поверят.

Мама выудила утюг из осколков зеркала, изо всех сил ткнула им в оконное стекло. Окно, дзинь, разлетелось вдребезги.

— Ну вот, — мама вернула утюг на место, отошла на шаг, полюбовалась результатом, — теперь правдиво. Теперь, скажем: сидели, чай пили, вдруг — утюг. Вжик — прилетел.

— Не так уж правдиво, — снова нахмурился папа. — Утюги не самолёты. Сами не летают.

— Мы и не скажем: сам летал. Скажем: летел, кем-то кинут.

— Кем кинут?

— А неизвестно. Может, соседи запулили. Или прохожие. Прилетел — хрясь! Уже в зеркале!

Папа присел на корточки, долго смотрел на своё отражение в лежащем на куче осколков зеркала утюге.

— Ой, не выйдет. Дети его узнают, наш утюг. «Эге, — скажут: родная вещь. Знакомая». Да ты сама погляди.

Мама поглядела.

— Не узнают. Это тебе кажется, что он знакомый. Ты не утюг узнаёшь. Своё в нём отражение. А утюги все одинаковые. На одно лицо.

— При чём тут лицо? — обиделся папа. — Ты что, думаешь, если я папа, так уже совсем тупой?

— Ну да. А разве нет?

— Нет. И утюги не все одинаковые. Видишь, царапины на нём. Это же мы с тобой в прошлом году его исцарапали. Большим гвоздём. Вот. Тут и тут.

— Ты гвоздём, — вспомнила мама, — а я маникюрными ножницами. Маленькими. Здесь и здесь.

— Ага, — вздохнул папа, — нам потом за это целое воскресенье телевизор смотреть не разрешали. Я футбол пропустил.

— А я последнюю серию про любовь в больнице, ту, в которой всё самое главное выяснилось. Так и не узнала из-за этих царапин, кто кого полюбил.

— То-то и оно, — назидательно сказал папа, — а дети как раз из-за этих самых царапин наш утюг и узнают.

— Ладно, ладно, — согласилась мама. — Когда ты прав, я не спорю. Значит, надо его куда-нибудь деть. Чтoб не нашли. И не узнали. Так и сделаем.

— Спрячем? — догадался папа.

Григорий Остер

— Выкинем. На улицу. Кстати, у нас и окно разбито... — Мама нагнулась за утюгом.

— Стой, погоди — закричал папа.

Но было уже поздно. Утюг улетел в окно.

— Ну, чем ты опять недоволен? — пожала плечами мама. — Сам прилетел, сам улетел. И никаких следов.

— А если у детей, — всплеснул папа руками, — начнутся сомнения. Где, спросят, наш домашний, знакомый, поцарапанный утюг? Куда делся? Что ответим?

— Правду, — сказала мама. — Ответим: в окно делся. А что? Разве это не правдиво?

— Правдиво, — согласился папа, подумав.

— Ты послушай, как всё складно получается. Сначала чужой утюг в окно залетел, так?

— Так, — кивнул папа.

— Ну вот. И доказательство тут как тут. Окно разбито?

— Разбито.

— Слушай дальше. Залетел и... в зеркало — бум. Зеркало — вдребезги. Видишь?

— Вижу.

— А потом, — торжествующе сказала мама, — чужой утюг, на обратном пути, зацепился за наш утюг шнуром и утянул его за собой. В окно. Вот и всё. Ну? И какие сомнения?

— Никаких.

Папа с облегчением вздохнул, они с мамой сели у разбитого окна — ждать возвращения детей. Чтобы рассказать им свою честную и правдоподобную историю. Про зеркало и совершенно чужой, откуда ни возьмись залетевший в окно утюг.

Мягкая кожа на колёсиках

Одни дети всегда баловали своего папу, ни в чём ему не отказывали, во всём потакали. Выполняли разные его капризы и прихоти, беспрерывно приносили всё, что он пожелает: гвозди, молоток, свежие газеты, пульт от телевизора, тапочки.

Папа привык, что дома с ним вечно нянчатся, и, приходя на работу, оказывался совершенно не приспособленным к суровой взрослой жизни.

Например, скажет папе на работе начальник отдела:

— Сделайте, пожалуйста, это и вот это.

А папа ему:

— Потом сделаю.

— Нет, — говорит начальник, — мне нужно срочно. Теперь.

— Вам срочно, вы и делаете. А я не могу.

— Почему не можете?

— Потому что не хочу. У меня рабочее место неудобное. Окошко далеко и стул слишком твёрдый.

— Уж не хотите ли вы, — возмущается начальник, — чтобы я уступил вам своё кресло начальника отдела?

— Нет, — отворачивается избалованный папа, — не надо. Оно у вас скользкое, неаппетитное, коричневого цвета. Хочу как у нашего генерального директора. Из мягкой кожи.

— Что вы, что вы?! Он не отдаст! — замахал руками начальник.

— Отдаст. Мне всегда всё отдают, — сказал папа противным капризным голосом и пошёл в кабинет генерального директора.

Сотрудники отдела, папины товарищи по работе, хотели его вернуть, кричали:

Котлеты от жадности

— Не ходи, не дадут! Тебя там уволят! Выгонят с треском! Но начальник покачал головой:

— Не останавливайте, пусть идёт. Сразу видно, как его дома родные дети изнежили. Теперь узнает горькую правду взрослой жизни. Страшно быть таким избалованным.

Папа уверенным шагом пришёл в кабинет генерального директора, взялся за спинку кресла, в котором директор руководил предприятием, потянул к себе. Кресло на колёсиках поехало вместе с руководителем.

— Куда еду? — удивился генеральный директор.

— Никуда, — успокоил директора избалованный папа. — Забираю кресло.

Генеральный директор, тоже сильно избалованный своими детьми, привыкший всегда получать всё самое лучшее, подумал: «Кресло забирают, сейчас прикатят другое, гораздо круче».

— И хорошо! — обрадовался директор проезжая вдоль своего длиннющего стола, — Сделай, любезный, остановку, когда диван начнётся, я там сойду.

В отделе, где папа работал, сотрудники, во главе с начальником, сидели, наострив уши. Боялись пропустить самое интересное: как избалованного папу будут выгонять с работы.

И вот в коридоре послышалось тарахтение, громкий треск.

— Ага! — задумчиво поднял палец начальник отдела. — Слышите, как его выгоняют?

— Гонят с треском, — ужаснулись сотрудники.

Вдруг двери распахнулись, и в отдел, отталкиваясь от стенок руками, въехал папа. В кресле генерального директора.

Начальник отдела от удивления медленно сунул свой палец в рот, а сотрудники быстро подумали: «Эх! Если бы нас дома тоже избаловали, мы бы сейчас в таких же удобных креслах сидели. На мягкой коже».

Ничего, ничего....

Дети одних родителей, мальчик и девочка, жили дружно, играли вместе, игрушки друг другу уступали. И вдруг поссорились. Да так сильно, что мальчик рассовал по карманам свои мелкие машинки, крупную, самую любимую, взял под мышку и хлопнул дверью. Ушёл. Сказал, что домой больше не придёт. Никогда. А с папой и мамой будет теперь встречаться во дворе, на детской площадке, по воскресеньям. Когда им на работу не надо.

Вернулись родители с работы, дочка встречает их одна, без мальчика.

— Папа и мама, сядьте на диван, мне нужно с вами поговорить.

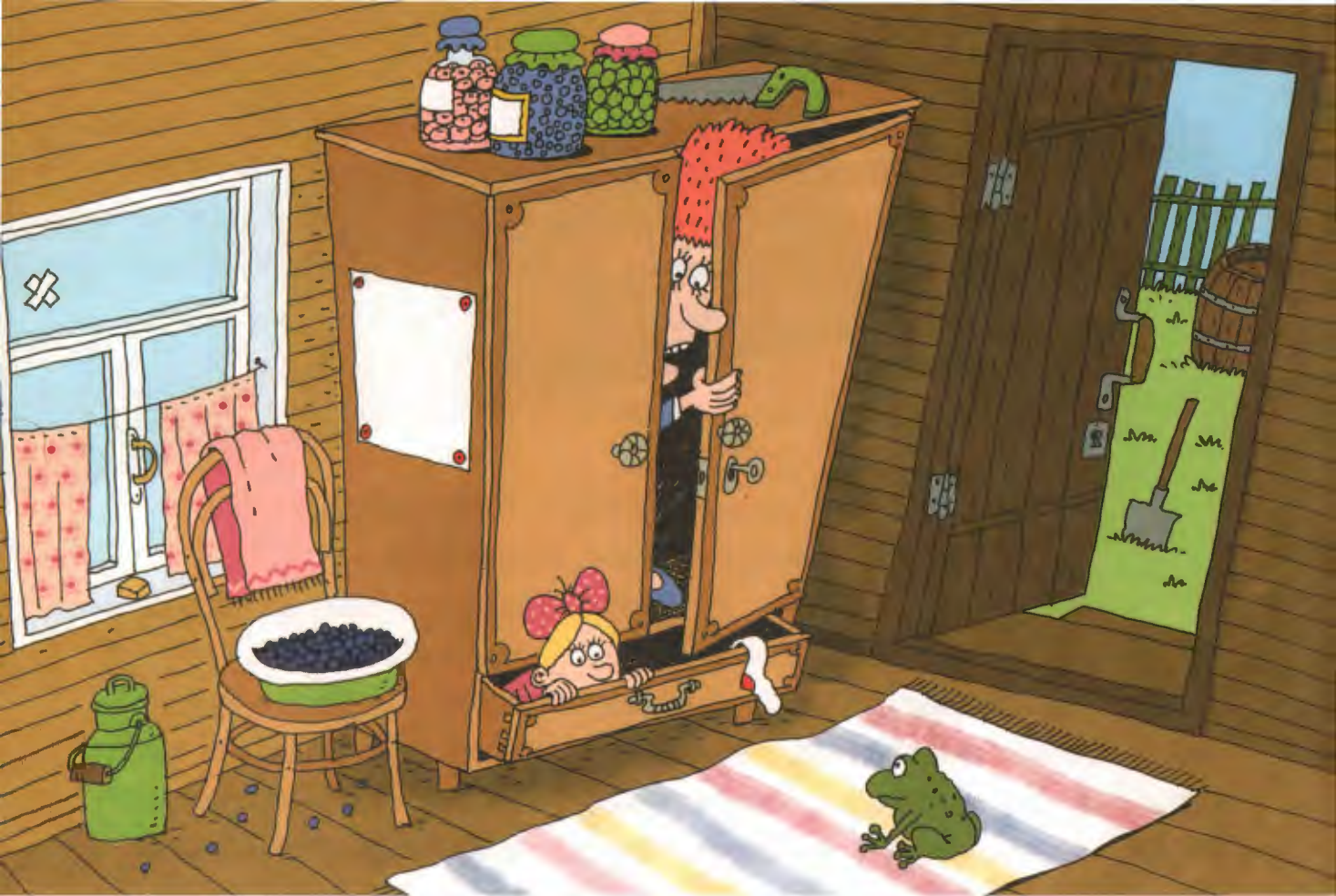

Родители сели.

— Вы, — говорит девочка, — конечно, знаете: бывают семьи, в которых никакого мальчика нет, папа и мама живут только с дочкой.

— Я знаю, — закричала мама. — У нашей бухгалтерши такая семья. Без мальчика.

— Ну вот, — обрадовалась девочка. — И ничего страшного.

— Ага! Ничего страшного! — выпучила глаза мама. — К ним на даче в дом лягушка запрыгнула. Бухгалтерша с дочкой в шкафу закрылись, три часа кричали оттуда, почти охрипли. Хорошо, какой-то соседский малыш услышал, прибежал, спас их, лягушку унёс.

— А у нас на работе, — рассказал папа, — директор тоже в семье без мальчика живёт. С дочкой и женой. Мы над ним всем коллективом смеёмся.

— И что смешного? — удивилась девочка.

— Так он, — хихикнул папа, — даже пописать стоя не умеет.

— Кто ж его научит? — пожалала плечами мама. — Мальчика в доме нет. Никто не научит.

Котлеты от жадности

— Ну, вот что, — рассердилась девочка, — я, хоть не мальчик, в шкаф не запрусь, справлюсь с лягушками.

— А зачем, — говорят родители, — тебе справляться? У нас-то мальчик есть.

— Вот об этом, папа и мама, я хотела с вами поговорить. Наш мальчик... Он ушёл. Будет теперь не с нами жить. В другом месте. Но вы не расстраивайтесь, нам без него даже легче станет. Никто не будет по дому игрушечные пистолеты раскидывать и требовать, чтобы ему каждую неделю покупали новую компьютерную игру.

Папа и мама заплакали.

— Плачете? — удивилась девочка. — Вы же не маленькие.

— У нас, — всхлипнул папа, — зарплаты маленькие. Особенно у меня. Вот он и ушёл. Не захотел с нами жить. Потому что мы лишнюю компьютерную игру ребёнку купить не можем.

— Да, — всхлипнула мама, — мы виноваты. В том, что наш мальчик родной нас разлюбил и бросил. Расстался с нами навек.

— Не смейте так думать, — строго сказала дочка. — Ни в чём вы не виноваты. Никто с вами не расставался. Мальчик вас любит. Будет встречаться с вами каждое воскресенье, даже если вам никаких зарплат совсем платить не станут. Не вас бросил. Со мной поссорился. Расстался со мной.

Папа и мама вытерли слёзы, нахмурились:

— Ты с ним играла, игрушки уступала. А он расстался и бросил. Нарочно поссорился. Он негодяй?

— Нет, — испугалась девочка. — Не надо так про своего мальчика говорить. Я тоже с ним поссорилась.

— Ты негодяйка? — удивились родители.

— Да нет же, — сказала девочка. — Никто не ... это слово. Кстати, чтобы я больше подобных слов от вас не слышала! Не знаю, как вам, взрослым, про нас, детей, объяснять. Мы вместе поссорились. Вдвоём. И не нарочно. С детьми так бывает. Но этого вам не понять.

Дочка махнула рукой, стала собирать с пола игрушки, потому что скоро пора было идти спать.

Папа сидел на диване кислый, кислый. И морщил то лоб, то нос.

— Не кисни, — стала утешать папу мама. — Будем встречаться с мальчиком по воскресеньям. А они, наверно, помирятся. Когда-нибудь, скоро. Ничего, ничего!

— Не ничего, — совсем скривился папа. — Вдруг никогда не помирятся? Мы хоть по воскресеньям с сыном видаться станем. А дочка наша? Одна, без брата останется. Навек.

Мама поглядела на девочку, которая гремела игрушками, бросала их в ящик, и зашептала папе в ухо:

— Ничего, ничего! Если совсем не помирятся, мы ей другого брата, ещё одного, нового мальчика родим.

Дочкины тетрадки с папиными картинками

Папа и мама одной первоклассницы так давно уже не учились в школе, что стали совсем неопытные, даже забыли, можно или нельзя брать без спроса дочкины тетрадки, рисовать в них фломастерами разные картинки.

Вечером, когда первоклассница, которой надо было рано утром вставать в школу, уснула, мама подговорила папу тихонько взять дочкин портфель.

Папа взял, принёс.

— Вынимай тетрадки, — велела мама.

— Ты вынимай.

Мама вынула тетрадки, полистала.

— Смотри, сколько всего начёркано. И палочки, и кружочки. И букв разных полным-полно. Если мы тут немножко порисуем, дочка даже не узнает.

— А вдруг узнает?

— Не заметит, — уверенно сказала мама, достала фломастеры, положила перед папой открытую тетрадку.

— Рисуй первый.

— Нет, ты первая.

— Я первая сказала, что ты первый. Рисуй. Я — потом. Следующая.

Папа взял зелёный фломастер. Передумал. Положил. Взял красный. Опять передумал. Взял синий.

— Выбирай быстрее, — пихнула его мама. — Не одному тебе рисовать хочется.

— Пожалуйста, — обрадовался папа. — Уступаю тебе очередь. Пропускаю вперёд.

Но мама не пропустилась.

— Ты, наверно, думаешь, — спросила она папу, — что в дочкиных тетрадках рисовать нельзя и тебя за это накажут, да?

— Нет, — сказал папа. — Не знаю: можно или нельзя.

— Давай, — предложила мама, — проверим. Вдруг — можно?

— Давай, — обрадовался папа. — А как?

— Возьмём фломастеры, порисуем, а я потом дочке признаюсь: «Это папа фломастеры брал, в тетрадках твоих рисовал».

Котлеты от жадности

— Если нельзя, — испугался папа, — меня накажут.

— Правильно, — похвалила мама папу. — Молодец. Ты очень сообразительный. Это и будет проверка. Если накажут — значит, в школьных тетрадках рисовать без спроса нельзя. А не накажут — значит, можно. Согласен?

— Ух ты, какая хитренькая, — не согласился папа. — Давай наоборот. Я про тебя наябедничаю. Мама, скажу, тетрадки твои брала, картинки в них рисовала.

— Нет, — вздохнула мама, — так не пойдёт.

— Почему не пойдёт?

— Потому что ябедничать некрасиво. Сделаем по-другому. Без ябедничания. Когда дочка тетрадки откроет, спросит, кто рисовал, ты сам признаешься. Скажешь: «Я».

— А можно, — спросил папа, — я скажу: «Она». И покажу на тебя пальцем.

— Нельзя, — вздохнула мама. — Это опять получится ябедничанье. Ты же не хочешь называться ябедой?

— Не хочу, — быстро замотал головой папа.

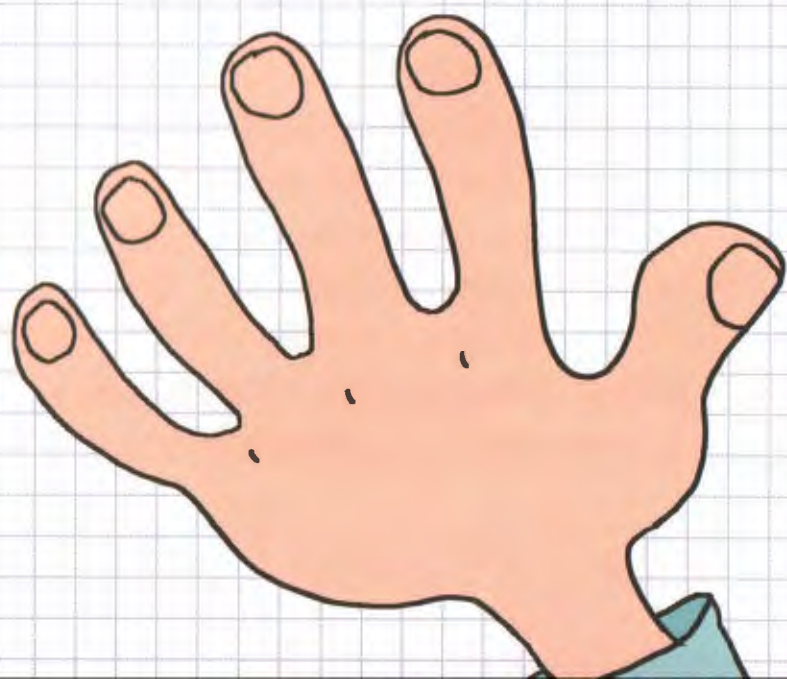
— Так в чём же дело? Неужели боишься признаться? Ты же смелый.

— Да, — согласился папа, — я смелый. Только боюсь первый рисовать.

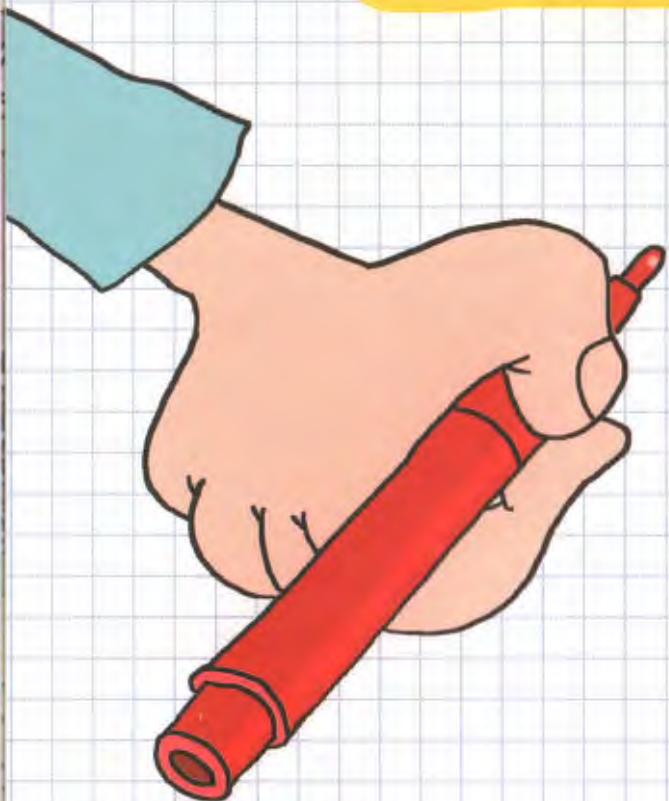
— Хорошо. Тогда давай по-честному, — предложила мама. — Оба будем первые. И ты, и я. Я первая рисую, а ты первый признаёшься, что это рисовал ты. Договорились?

Папа подумал. Кивнул.

Мама поцеловала папу в щёку, подвинула к себе дочкины тетрадки и стала снимать с фломастеров колпачки.

Помоги папе и маме одной перво-
классницы раскрасить тетрадку.

Раз, два, три, четыре,
пять... Как дальше?

Одни дети очень любили своего папу, но когда смотрели на него, не могли удержаться от смеха. Папа обижался, спрашивал:

— Надо мной смеётесь?

— Не над тобой, над тем, как ты выглядишь.

— Что во мне смешно?

— Всё! — отвечали дети, фыркали, хихикали, зажимали руками рты.

Папа становился перед зеркалом, наклонялся и так, и сак, вертелся, вставал на цыпочки, даже затылком поворачивался — ничего смешного в себе не находил.

А дети у него за спиной приседали от смеха, хвата-
лись за животы.

Котлеты от жадности

Выйдет папа во двор побеседовать со знакомыми соседями, дети смотрят из окошка, хохочут.

— Вы над кем? — спрашивает снизу папа. — Надо мной?

— Не над тобой. Над тем, как ты руками машешь.

Сядет папа обедать — дети хихикают.

— А теперь над кем?

— Не над кем, а над чем. Над тем, как ты жуёшь.

Запоёт папа душевную песню — у детей снова веселье.

— Нет, мы не над тобой смеёмся, над тем, как ты поёшь.

В конце концов папа садился на диван, клал руки на колени, старался вообще не шевелиться. Даже глаза зажимировал.

А детям опять смешно.

— Мы не над тобой, папочка. Над тем, как ты живёшь.

Больше всего детей веселило, когда папа начинал рассуждать, о каких-нибудь их детских делах. Про чудесные школьные годы, жажду знаний или о том, что дети никогда не должны ябедничать и всегда обязаны говорить правду. Или когда пытался рассказать что-то, на его взгляд, поучительное. Или вдруг давал детям полезные с его, папиной, точки зрения советы.

Иногда дети нарочно задавали папе какой-нибудь детский вопрос, выслушивали ответ и падали на пол от смеха. Например, спросят:

— Папа, что надо говорить, когда в прятки играешь? Сначала: раз, два, три, четыре пять. А дальше как?

— Дальше, — отвечал папа, — надо сказать: шесть, семь, восемь, девять, десять.

Дети так и покатываются со смеху.

— Смеётесь? — хмурится папа. — Надо мной?

— Мы смеёмся не над тобой, а над твоим ответом.

— Разве я неправильно сказал? После пяти всегда шесть бывает.

Дети уже за бока держатся, говорить не могут, икают от хохота.

— Сначала шесть, — загибает палец папа, — потом семь, потом восемь. Всё правильно. И ничего в этом смешного нет. Обыкновенный ряд натуральных чисел.

— Молчи, папочка, молчи. Совсем нас уморишь. Мы сейчас от смеха рассыплемся. Ты только не обижайся, в жизни ничего смешнее не слышали.

— А как, — спрашивает папа, — надо было мне правильно отвечать, чтоб вы не смеялись? Что надо сказать

Котлеты от жадности

после раз, два, три, четыре пять, когда в прятки играешь?

— Когда в прятки играешь, — смеются дети, — надо после: «Раз, два, три, четыре, пять», сказать: «Я иду искать»

— Иду! — закивал головой папа. — Искать! Правильно. Раньше, когда-то, я тоже помнил. Только потом забыл.

— Это ты давно не играл в прятки, — объяснили дети. — Детского опыта уже нет.

— Кончился, — вздохнул папа. — Опыт уходит с годами.

— А ты не грусти, — улыбнулись дети. — Ничего страшного. В детстве — всё впереди, потом — всё позади. Какая разница? Это «всё» каждый раз когда-нибудь, не теперь. Или ещё будет, или уже было. Всегда.

Рогатка без разрешения

Папа одного мальчика нашёл дома спрятанную на книжной полке, за учебниками, рогатку сына, взял без спроса, принёс на работу, стал хвастаться перед другими рабочими, своими товарищами по цеху.

— Видали, что у меня?

— Где взял?

— Сын дал. Пострелять.

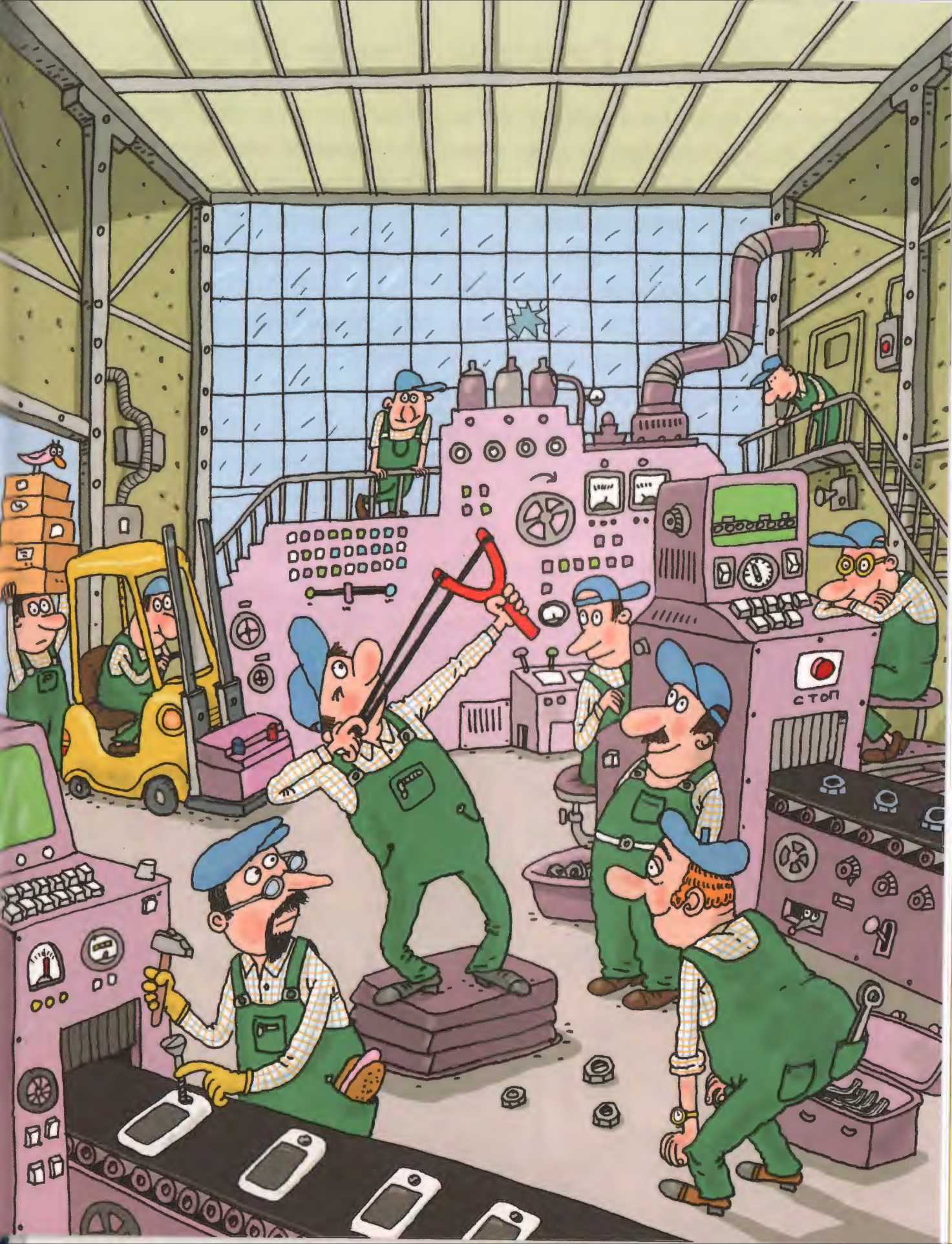
— Гонишь, — не поверили товарищи, — заливаешь. Обманываешь. Взрослым из рогаток стрелять нельзя. Где это видано, чтобы сын папе свою рогатку давал? Ты, наверно, сам взял, без разрешения.

— А вот и с разрешением, — соврал папа. — У меня сын добрый. Можешь, говорит, и товарищей на работе угостить. Пусть стрельнут. По разу.

— Давай скорей! — обрадовались товарищи, — Очень стрелять хочется.

— Нет, я вам не дам. Потому что вы мне не верите.

— Верим, верим! — закричали товарищи. — Дай стрельнуть.

— Вы что? — говорит папа.— Мы же в цеху. Тут нельзя. Ещё попадём в какое-нибудь ценное оборудование. Надо безопасное место найти. Просторное. Идёмте в кабинет директора завода.

В приёмной, перед кабинетом директора, секретарша, сначала, не хотела их пускать:

— Директор занят. Никого не принимает. К приезду министра готовится.

— А вы, — говорит папа, — доложите: у нас рогатка, директору тоже стрельнуть дадим.

Директор услышал, высунулся из кабинета.

— Правда, рогатка? Настоящая? Покажите.

Директору показали. Он потрогал резинку:

— Ух ты! Чур, я первый пуляю.

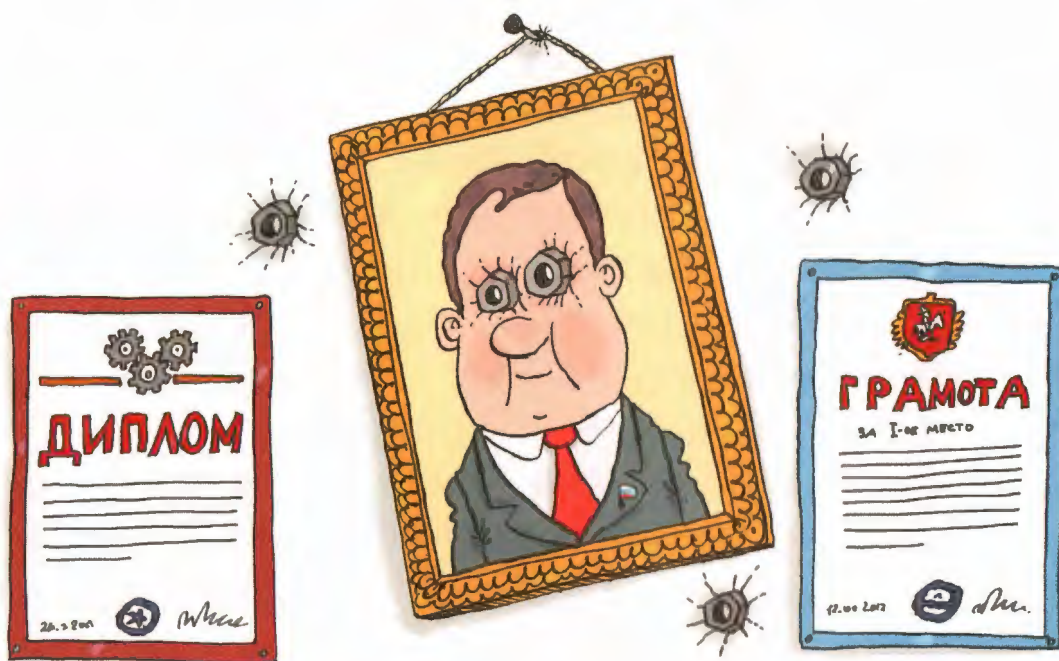

— Ну, уж нет, — обиделся папа мальчика, хозяина рогатки. — Я ещё сам ни разу не стрельнул.

— Ладно. Чур, я второй. А чем пулять будем?

Послали секретаршу в цех насобирать железных гаек. Она полную горсть принесла. Сосчитали, разделили. По справедливости. Всем по одной, а папе мальчика за то, что он рогатку принёс, и директору за то, что он директор, по две. Стали решать, во что целить.

— А вот, — показал директор, — над моим столом портрет министра нашей промышленности висит. Давайте в него.

Стреляли метко. Часто попадали портрету прямо в лоб. Вдруг секретарша докладывает:

— Министр нашей промышленности приехал. Уже по коридору идёт.

— Ух, беда! — испугался директор, — Он войдёт, а мы его продырявили. Увидит в себе дырки гаечные, всех уволит. Прячьте портрет.

— Поздно прятать, — кричат рабочие. — Будем отвлекать.

Обступили министра со всех сторон, стали наперебой расспрашивать: когда экономика окрепнет, безобразия кончатся, зарплату повысят.

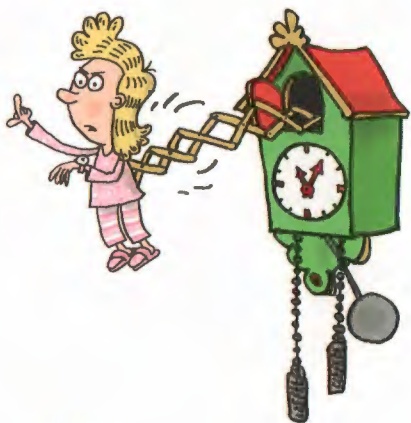
Всем министр отвечал вежливо, свой портрет израненный вроде бы не заметил. Но когда прощался, залезал в свой автомобиль, схватился за лоб:

— Ох, дырявая моя голова! Хотел всем работникам вашего завода денежные премии выделить — и забыл. Память как решето! В будущем году выделяю. Если вспомню.

Министр уехал. А работники с директором остались стоять. Без премий. С пустыми руками. Стали тыкать пальцами в папу с рогаткой:

— Виноват ты! Из-за тебя память гайками изрешетилась. Никогда уже премию не получим. Зачем нам рогатку принёс?

Рукава с ложечками

К маме одной девочки пришли в гости взрослые подружки. Закрылись в маминой комнате, на шумели, насорили, наговорили друг дружке кучу секретов. Вдруг, на самом интересном месте, как раз когда некоторые подружки начали признаваться в любви к одному их общему знакомому, входит мамина дочка, сообщает, что скоро стемнеет и всем взрослым немедленно пора по домам.

— Ничего, — зашептались взрослые, — во двор спустимся, на скамеечку сядем, там всех, кто признаться не успел, дослушаем.

Подружки побежали в коридор, надевать пальто. Мама девочки тоже уже руки в рукава сунула, дочка ей говорит:

— Будь добра, повесь, пожалуйста, своё пальто на место.

— Зачем?

— Затем, что ты никуда ты не пойдёшь.

— Почему?

— Попробуй догадаться сама.

Мама наморщила лоб, задумалась.

- Потому что на улице мороз?
- Нет.
- Потому что жара?
- Нет.
- Скоро стемнеет, а по улицам маньяки ходят?
- Не потому. Хотя про маньяков тоже забывать нельзя.
- Я помню.

Мама выглянула в окно, поглядела, как её взрослые подруги садятся на скамеечку, вернулась к дочке:

- Скажи сказку. Почему мне идти нельзя?
- Не скажу. Догадывайся сама.
- Наводнение начинается?
- Не думаю..
- Землетрясение будет?
- Вряд ли.
- Не могу угадать. Не получается.

Котлеты от жадности

— А ты, — говорит девочка, — сходи, погляди, что у тебя в комнате творится.

Мама сбегала.

— Ничего не творится. Там никого нет.

— А на полу что делается?

Мама ещё раз сбегала, поглядела.

— На полу фантики лежат. Мы конфеты ели. Когда платья мерили.

— На полу, — нахмурилась девочка, — фантики, на столе чашки с грязными ложечками. Везде платья, из шкафа выкинутые, валяются. Не комната, а какой-то сарай.

— Ладно, ладно. Сейчас.

Мама схватила веник, побежала, быстро замела фантики под стол, запихала платья под кровать, грязные чашки с ложечками накрыла большим красивым журналом про моду.

— Всё. Убрала.

Девочка вошла к маме в комнату, осмотрелась.

— Это не уборка. Маскировка. Только всё видно. Фантики под столом. Из-под кровати рукава платьев торчат, а из-под журнала грязные ложечки. Пока не приведёшь комнату в порядок, из дома не выйдешь.

Через восемь минут мама снова позвала девочку:

— Готово. Теперь пойду?

Девочка присела на корточки, заглянула под стол, под кровать.

Котлеты от жадности

— Ну, хорошо. Иди.

Мама схватила пальто, Лифта не дождалась, прыгая по ступенькам, как мячик, слетела вниз, выскочила во двор.

Но никто уже не сидел на скамеечке. Взрослые мамы подружки во всём признались друг дружке и разошлись по домам.

Мама плелась обратно. Спешить было некуда. Самое интересное в своей жизни она уже упустила.

Трудный возраст в одних трусах

Мама одной девочки всегда была спокойная, послушная. Никогда не капризничала. Всё делала с первого слова. И вдруг однажды разбудила девочка маму:

— Вставай, мамочка, на работу пора. Хочешь сегодня серую юбку надеть?

— Не хочу.

— Ну, тогда — синюю.

— Нет.

— А какую?

— Никакую.

— Джинсы наденешь?

— Не надену!

— В чём же ты на работу пойдёшь? В одних трусах?

— Ни в чём. Никак не пойду.

— Почему не пойдёшь? Заболела?

— Ни почему не пойду. Не заболела. Не пойду, и всё.

— Может, ты, — вздохнула девочка, — хотя бы встанешь, умоешься, позавтракаешь?

— Не позавтракаю. Не умоюсь.

— Не позавтракаешь — заболит живот. А умываться отказываются одни грязнули.

— Пусть заболит. Пусть — грязнуля. Не сяду завтракать. И умываться не буду.

— Вставай.

— Не встану. Уйди, девчонка.

— Не груби. Хорошие мамы так с дочками не разговаривают.

— Буду грубить.

Девочка рассердилась, хотела сказать, чтоб мама немедленно прекратила безобразие, сию же минуту вставала. Но передумала, сказала:

— Делай, что хочешь.

Девочка вышла из комнаты, позвонила своей подружке, рассказала про мамино поведение:

— Не пойму, что с моей мамой случилось. Может, её какие-нибудь инопланетяне подменили?

— Нет, — говорит подружка. — Не инопланетяне. Это у неё возраст начался.

— Какой возраст?

— Трудный. С мамами такое случается. С моей тоже было. Вдруг, ни с того ни с сего, сплошные: нет, не хочу, не буду. Ни с чем не согласна. Поступает только наперекор.

— Что же делать?

— Всё бесполезно. Я со своей что только не пробовала. И уговаривала, и наказывала, и к врачам водила. Ничто не помогает. Надо просто перетерпеть. Потом само пройдёт.

— Когда пройдёт?

— У кого как. Моя целый год бушевала.

— Ого как долго!

— Ещё бы. А сколько у твоей мамы трудный возраст продлится, никто не угадает. Ты, подруга, держись. Я тебе сочувствую. И не завидую. Со своей так измучилась, так измучилась. Чуть с ума не свелась. Иногда просто руки опускались. Хоть из дома беги.

Но девочка не стала убегать из дома. Попрощалась с подружкой, вернулась к маминой кровати.

Мама лежала под одеялом, глядела в потолок, ждала, когда ей что-нибудь предложат или о чём-то попросят, чтобы сказать: «Нет. Не хочу. Не буду».

Григорий Остер

— Укройся теплее, — девочка подоткнула мамино одеяло.
— Не хочу, — мама тут же откинула одеяло, села в постели.

— Лежи, лежи, — сказала девочка. — Не вставай.

— Встану, — мама вскочила.

— Не стоит надевать серую юбку. Надень синюю, — предложила девочка.

— Нет. Серую надену.

Мама схватила серую юбку, которая висела на спинке стула, вызываяще посмотрела на девочку.

— Не умывайся, — строго сказала девочка. — И не садись завтракать.

Мама побежала — умылась, позавтракала.

— На работу ты уже всё равно опоздала. Не ходи.

— Не опоздала, пойду.

Девочка привела маму на работу, поговорила с маминной начальницей. Шепнула ей кое-что тихонько на ушко.

— Сегодня, — сказала начальница маме, — не работайте. Сидите, ничего не делайте.

Мама немедленно принялась за работу.

Вечером, когда девочка забирала маму с работы, пошёл дождь. Пришлось заявлять маме, что ходить с зонтиком над головой и перешагивать через лужи стыдно, неприлично и ни одна порядочная мама себе такого никогда в жизни не позволяет. Девочка вела маму домой, с ужасом думала, что трудный возраст у её мамы ещё только начинается.

Хорошее поведение с заслуженной пудрой

У одной мамы была маленькая, очень справедливая дочка. Когда мама поступала правильно, всё делала хорошо, дочка маму хвалила, обязательно покупала ей в магазине какой-нибудь замечательный подарок. Однажды, дочка сказала:

— Ты, мамочка, молодец. Умница.

Мама обрадовалась, заулыбалась. Дочка поцеловала маму, погладила по голове:

— Сегодня я тобой довольна.

— А вчера? — спросила мама.

— И вчера тоже.

— Потому что я хорошо себя вела?

— Да, — сказала дочка. — Всю неделю тобой горжусь.

— Потому, что я правильно поступала?

— Очень правильно. Пойдём в магазин. Купим подарок, который ты заслужила.

Пришли в магазин, где было всё, что мамам нравится: пудра, тушь, духи, красивые платья, нарядные кофточки, туфли на длинных каблуках. Дочка говорит продавщице:

— Покажите нам пудру.

ШАРМ

СКИДКИ!
Глизики алынуууу
авуруучууу
Сапатын кызылтыгы
Учурдун кызылтыгы
9/9
ЖДЕМ ВАС!

МОДИЦА

Котлеты от жадности

— Вам, — интересуется продавщица, — какую? Дорогую или не очень?

— Дорогую. Моя мама прекрасно себя вела, заслужила самую лучшую.

Продавщица показывает, а мама невнимательно смотрит. Даже немножечко отвернулась.

— Не надо пудру, — догадалась дочка. — Покажите нам духи. Нравятся тебе, мама, вон те духи в маленьком серебряном флакончике?

— Нравятся. Я их заслужила?

— Безусловно заслужила. Покупаем?

— Нет, спасибо, не надо.

— А эти, в хрустальном красном флаконе?

— Их я тоже заслужила?

— Разумеется, заслужила. Хочешь?

— Нет, не хочу.

— Тогда, — предлагает дочка, — может быть, платье? Вон их сколько. Выбирай.

Мама подошла к одному платью, потрогала пальцем.

— Красивое.

Потрогала другое.

— И это красивое.

— Конечно, красивое, — пожала плечами продавщица, — у нас тут все платья красивые. Одно лучше другого. У вас, наверно, глаза разбегаются. Вы не смотрите на все сразу. Вы их по очереди меряйте.

— Давай, — говорит дочка, — иди в кабинку. Бери с собой это, это и это.

Мама стоит, не идёт.

Григорий Остер

— Хочешь ещё какое-нибудь платье в кабинку взять?
— Не знаю. Думаю.
— О чём?
— Про платья. Думаю, вдруг среди них такое, которое я не заслужила.

— Нет, — твёрдо сказала дочка. — Такого платья в этом магазине нет. Выбирай смело. Заслужила любое.

Мама говорит:

— Не могу выбрать. Пойдём в другой магазин.

Вышли на улицу.

— Смотри, — взяла маму за руку дочка, — на той стороне самый дорогой магазин в городе. Идём туда?

— Идём.

В самом дорогом магазине дочка спрашивает:

— Мама, скажи честно, чего ты хочешь?

— Честно?

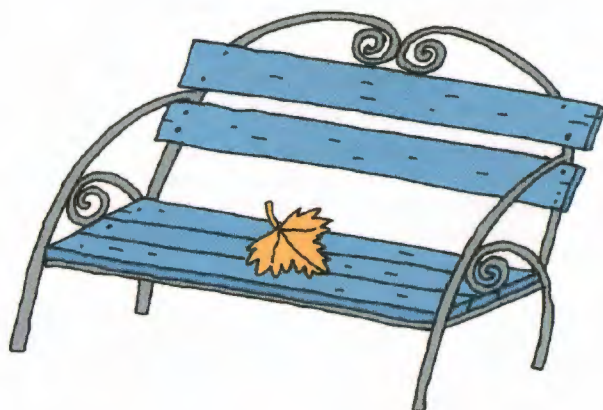
— Да. Не морочь голову. Говори. Нарочно хочешь такое, на что у нас денег не хватит? Самое дорогое?

— Нет, — говорит мама, — не дорогое. Хочу незаслуженное. То, что не заслужила. Не потому, что я поступала, и не за то, что себя вела. Просто так.

Содержание

СМЕРТЕЛЬНЫЕ КОТЛЕТЫ ОТ ЖАДНОСТИ	3
ДРУЖБА С НЕ-БАБУШКОЙ В ШЛЁПАНЦАХ	10
ДВОЙКИ, КОЗЫ И КОЛ	18
И ЕЩЁ ВОТ ТАК!	24
ЛЁГКИЙ ИСПУГ	30
МАЛЕНЬКИЕ НОЖНИЦЫ, БОЛЬШОЕ ЗЕРКАЛО, РОДНОЙ УТЮГ ..	34
МЯГКАЯ КОЖА НА КОЛЁСИКАХ	40
НИЧЕГО, НИЧЕГО... ..	45
ДОЧКИНЫ ТЕТРАДКИ С ПАПИНЫМИ КАРТИНКАМИ	49
РАЗ, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ПЯТЬ... КАК ДАЛЬШЕ?	54
РОГАТКА БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ	60
РУКАВА С ЛОЖЕЧКАМИ	65
ТРУДНЫЙ ВОЗРАСТ В ОДНИХ ТРУСАХ	70
ХОРОШЕЕ ПОВЕДЕНИЕ С ЗАСЛУЖЕННОЙ ПУДРОЙ	75

Серия «Истории для детей и взрослых»
Литературно-художественное издание
Для младшего школьного возраста

Григорий Бенционович Остер

ДЕТИ И ЭТИ Котлеты от жадности

Маленькие истории

Художник дядя Коля Воронцов

Дизайн обложки *Н. Ворламовой*. Редактор *С. Младова*. Художественный редактор *Н. Федорова*
Технический редактор *Е. Кудиярова*. Компьютерная вёрстка *А. Федоров*

Подписано в печать 05.06.2017. Формат 84х108/16. Печать офсетная. Бумага офсетная
Гарнитура FreeSet. Усл.печ.л. 8,4. Тираж 6000 экз. Заказ № 4854.

ООО «Издательство АСТ»

129085, РФ, город Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 3, комната 5
Наш электронный адрес: malysh@ast.ru. Home page: www.ast.ru

Мы в социальных сетях. Присоединяйтесь!

https://vk.com/AST_planetadetstva

https://www.instagram.com/AST_planetadetstva

<https://www.facebook.com/ASTplanetadetstva>

«Баспа Аста» деген ООО

129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме. Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru. E-mail: malysh@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі
«РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1. Тел.: 8 (727) 251 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген

Өндірген мемлекет: Ресей Сертификация қарастырылған

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в филиале «Смоленский полиграфический комбинат»

ОАО «Издательство «Высшая школа». 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1
Тел.: +7 (4812) 31-11-96. Факс: +7 (4812) 31-31-70 E-mail: spk@smolpk.ru <http://www.smolpk.ru>

Остер, Григорий Бенционович.

О-76 Дети и Эти. Котлеты от жадности [маленькие истории] / Г. Остер ; худож. Н. Воронцов. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 77, [3] с. : ил. — (Истории для детей и взрослых).

ISBN 978-5-17-101598-5.

Новая, четвёртая, книга Г.Остера из цикла «Дети и Эти» называется «Котлеты от жадности». В ней читатель вновь встретится с удивительными детьми, которые между играми во дворе и занятиями в школе успевают воспитывать своих далеко не идеальных родителей, и со взрослыми, которые с трудом справляются с ласковым давлением своих детей. Все они желают друг другу только добра. Ну а что выходит – читайте!

Для младшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-7
ББК 84(2Рос=Рус)6-7

© Остер Г. Б., текст, 2017
© Воронцов Н. П., илл., 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Одна учительница физики всё время ставила своим ученикам двойки. И знаете, чем это кончилось? Пришлось ей выйти замуж за фермера, уехать в деревню и пасти там коров. И коз.

Знакомая история? Ещё бы! Эту страшилку каждый родитель рассказывает своим детям, если они плохо учатся. Но в этой книге — всё наоборот. И это шанс для взрослого немножко постоять на месте своего ребёнка.

Впрочем, дети тоже могут занять место родителей и немного потрястись от негодования.

НОВАЯ, четвёртая, КНИГА Г.ОСТЕРА из цикла «ДЕТИ и ЭТИ» — это поучительные истории про детей и взрослых, где каждый найдёт для себя повод для веселья или печали.

ozon.ru

1201156960

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-101598-5

9 785171 015985

EAC